

На севере Кировской области 80 лет назад появилось и тридцать лет просуществовало рабовладельческое государство. В документах этот островок архипелага ГУЛАГ называли "К-231", а в народе - Вятлаг. Далеко на север по вятской тайге растянулась до Коми вдоль Гайно-Кайской железной дороги сеть отдельных лагерных пунктов (ОЛП), лесозаготовительных отрядов (ЛЗО) и подкомандировок.

Здесь шла добыча и переработка вятского леса, а также "переработка" людей в кубометры древесины, их утилизация - подобно вторичному сырью. О том, что здесь перенесли заключенные, невозможно без содрогания слушать, читать, вспоминать. Теперь лишь стали открываться ужасы тех лет. Этому нет оправдания, этого нельзя забывать - потому так актуальна мемориализация подобных мест скорби, которыми, как язвами, покрыта вся страна.

Безымянные кладбища вокруг бывших лагпунктов нитями памяти связаны с множеством мест и людей по всей России - всюду живут потомки узников. Но эти нити обычно обрывает тьма неизвестности, если человек не вернулся из Вятлага - даже официально числящиеся умершими здесь не имеют точной географической привязки к месту, где лежат их останки в вятской земле. А многие были перед смертью предусмотрительно "активированы" - чтобы не портили статистику: их формально освобождали, чтобы они умерли за порогом лагеря "вольными".

Горький контраст с традиционным кладбищем особенно сильно ощущается, если рядом находится захоронение З/К. Зримый контраст восприятий: для христианина могила - это место, где тело ожидает воскресения, а для атеиста - это свалка, куда сброшены ненужные отходы. Поэтому христиане почитают места погребений, а безбожники пытаются спрятать их и уничтожить. По крайней мере, забыть.

В пос. Сорда, где располагалось ОЛП-2, границей двух кладбищ стал лог, пересекающий лес почти перпендикулярно железнодорожному полотну - слева от него обычная картина сельского кладбища, а справа - скорбный лес, тоже кладбище, только без оградок, цветов, памятников с портретами и датами. Территория безымянных могил.

Однако есть в этом лесу у дороги памятный поклонный крест, на нем с одной стороны фото молодой женщины и надпись «Малышева Мария Николаевна 26(11).06.1904-13.04.1942. В ее доме после закрытия храмов в г. Вышний Волочек

Памятный поклонный крест на кладбище заключенных в п. Сорда

проходили тайные богослужения. Осуждена 24.10.1941 на 10 лет ИТЛ по ст.58-10 ч.II. Умерла на 2-м лагпункте пос. Сорда. Реабилитирована 11.06.1992 г. прокуратурой Тверской области». А с другой стороны креста молитва о всех упокоившихся здесь православных христианах, в вере скончавшихся. Такая же молитва и на втором поклонном кресте, воздвигнутом в месте другого обнаруженного в окрестности Сорды погребения.

По неполным данным лагерной картотеки, умерли в ОЛП-2 с 1938 по 1956 год более тысячи человек, осужденных по статье 58 - антисоветская деятельность. Многие из них пострадали за веру в Бога. Архимандрит Дамаскин (Орловский) пишет: "За что формально судили верующих? Государственная идеология сталинского периода не признавала ни Церкви, ни Христа. Уже одно присутствие Церкви в мире, с позиции власти, было направлено против нее. И потому духовенству и верующим всегда предъявлялось обвинение в антигосударственной деятельности". Так была осуждена и погибшая в Сорде Мария Николаевна Малышева.

ОЛП-2 в Сорде стал для супругов Бориса и Марии Малышевых из Вышнего Волочка последней точкой их совместно пройденного земного пути. Неумолимый вятлаговский конвейер смерти, последовательно отнимавший у человека силы, здоровья, а потом и жизнь, принял их в обработку в середине декабря 1941 года.

Судя по письму их сразу отправили на лесоповал в ОЛП-9 (р.Мурис), а через два месяца они оказались в ОЛП-2 в Сорде, истощенные и больные. Чудо милости Божией, что их принимали за однофамильцев-земляков, и потому они были неразлучны. В разных бараках, но все-таки в одном лагпункте. Мария скончалась 13 апреля 1942 года. Муж сам прочел молитвы, какие мог вспомнить, над телом только что отошедшей ко Господу жены. Ей достался один из последних 7 гробов, больше на гробы досок было не отпущено, и всех следующих покойников уже просто бросали в яму. Борису сообщили вечером накануне, что ей стало хуже. Утром он пришел увидеться — и узнал, что она умерла. Когда он ее увидел, стало страшно, настолько изменилось родное лицо. Хронический понос и цинготная водянка — причины ее смерти, типичные лагерные диагнозы. Ноги толстые от воды, как столбы, при чудовищной худобе от истощения. Он своими руками закрыл ей глаза, прочитал все молитвы, какие сумел припомнить, и взял на память о жене ее подушечку-думочку, на которой потом и сам встретил свой час.

Иллюстрация 1: Борис и Мария Малышевы. Предвоенное фото.

Когда их дочь Ольга получила папино письмо, то от восторга она прыгала, скакала с бумажным треугольником, где почерком папы выведен их адрес "г.Вышний Волочек, ул. Урицкого, д. 67, кв. 2 Ольге Борисовне Малышевой" и стоит штампик "просмотрено Военной цензурой"

Мария Малышева с Модестом и Ольгой на террасе дома на Урицкого, 67.
Предположительно 1938 г.

Киров". Потом с той же радостью она развернула письмо, и вдруг ударили в сердце простые и страшные слова: "Наша дорогая незабвенная мамочка скончалась".

Длинная дорога вела сюда супругов Малышевых. Они были из того поколения, чье воцерковление состоялось уже после революции. Они не боролись с новой властью, были обычными людьми. На момент ареста он был

бухгалтером, она учительницей - счастливая любящая пара, растившая своих детей в чистоте и любви. Вера была не учением, а самим воздухом жизни, и родители старались передавать ее не насилием или назиданием, а примером. Детям хочется быть с родителями, и если родители ходят в храм или читают Евангелие, детям просто хочется быть вместе, и они тоже попадают в храм и слушают Евангелие. А Борис и Мария делали это регулярно, и по-своему выражали истины своей веры даже стихами в детском альбоме. Борис написал дочери строки, запомнившиеся ей на всю жизнь с посвящением - «посвящается моим детям, Ольге и Модесту» :

Жизненный совет

 Прекрасен Божий мир.
 Предел блаженства
     познать основы мироздания всего.
 Стремись и ты,
     чтоб быть частицей совершенства
 Прекрасного творения Его.

По "книге книг" как жить учись,
 Стремись познать себя, всегда трудись,
 За правду стой, от злобы уклонись,
 Всегда люби и веруй, и молись.

Детей не отдали в детсад, где учили безбожию, не пускали играть с уличной детворой, и это их очень выделяло из "массы". По той же причине Борис берег дочь от советской школы, целый год он сам наставлял ее по старым своим учебникам. В 1936 году уклонение от коллективизма стало слишком опасно, и Малышевы все-таки отдали Ольгу во второй класс второй городской школы, где когда-то сам Борис учился вместе со старшим другом Николаем Воробьевым, впоследствии ставшим знаменитым

духовником игуменом Никоном (Воробьевым). Но в семье по-прежнему жили молитвой и воспитывали детей в вере - и по неумолимой логике гонений кристальная чистота детей должна была стоить им очень дорого. Господь внятно предупредил их об этом.

Дочь Малышевых Ольга Борисовна вспоминает, как однажды теплым августовским вечером 1940 года они всей семьей пили чай на балконе своего дома, и вдруг увидели облачко, внезапно образовавшееся на чистом небе. Потом это облачко приняло форму восьмиконечного креста с двумя четырехконечными крестами справа и слева от него. И родители, и дети застыли на какое-то время в созерцании изображения Голгофы. По улице привычно шли люди, не замечая удивительного явления. Облако словно застыло на время, а потом растворилось, растаяло. И снова над ними - чистое небо, как будто там ничего и не было. Мария тогда сказала: «Ну, нам — Голгофа...» А позднее Мария увидела странный сон. Ей приснилось, что она потеряла своих детей. Зовет домой, а их нет. Она пошла искать их - и не нашла. Она заметила движущийся рядом с нею железнодорожный состав, какие-то платформы, ей оттуда протянули руки незнакомые люди и подняли на платформу, куда-то повезли вместе с чужими людьми. Потом она видит площадь, где стоят рядом три беломраморных храма. И она идет к главному храму, поднимается на его ступени. Она видит, что наверху лестницы стоит Спаситель во весь рост - Он с протянутыми руками к Себе ее призывает. Она молится Спасителю и идет к Нему, поднимаясь по беломраморным ступеням к храму. Вот она поднялась - но храм закрыт. Она падает ниц и плачет и молится. И капли своих слез она видит на этом полированном белом мраморе... Рассказывая этот сон, Мария добавила: «Это мне к смерти».

Малышевых "взяли на карандаш" еще в 1937-м - когда дочь Ольга отказалась вступать в пионеры и твердо исповедала Христа, а родители отказались ее принуждать. В тот страшный год Борис и Мария ждали ночных гостей и предупреждали детей, что им делать, если утром папы с мамой почему-то не окажется дома. Однако их время еще не пришло. Потом Мария "засветилась" в предвоенный год в двадцатке Богоявленского собора - последнего действующего храма в Вышнем Волочке, а после его закрытия повезла в Москву вместе со старостой письмо Сталину с прошением вновь открыть собор для богослужений. Письмо приняли, но собор закрыли окончательно - и в начале 1941 года тайные богослужения стали совершаться в домах некоторых прихожан, в том числе и в доме Бориса и Марии.

18 октября 1941 года в истории семейства Малышевых играет роль столь же роковой даты, как 22 июня 1941 года в судьбе России. Вероломное нападение ранним утром на страну совершили солдаты обычной армии, а ранним утром 18 октября в дом Малышевых внезапно вторглись «бойцы невидимого фронта». Отлаженная в 1937-м машина за неделю переработала Малышевых и их знакомых в антисоветскую группировку.

Это были критические дни для всей страны. Шло великое отступление РККА по всему фронту, немцы уже готовили парад победы в Москве, а наши — отряды для уличных боев в столице и запасные места размещения правительства в глубоком тылу. 14 октября немцы взяли Калинин, с задачей обойти Москву с северо-запада, а при благоприятных условиях нанести удар на Ярославль и Рыбинск. 15-16 октября 1941 года - были днями паники и кризиса местной власти в Москве.

А в Вышнем Волочке шла "зачистка" от потенциальных пособников немцев на случай оккупации, включая монашествующих и прочих «лишних» людей. Причиной для арестов вышневолоцких верующих стала трагедия малодушия священника, назвавшего имена участников и места тайных богослужений, в том числе и дом Малышевых.

Монахиня Марина (Изотова)

Обыск у Малышевых шел весь день. И все приходившие к ним в этот день сразу становились задержанными. Господь устроил так, что среди них оказалась высланная из Питера тайная монахиня Марина (Изотова) и друг главы семейства — игумен Никон (Воробьев). По просьбе Марии Изотова согласилась остаться с детьми до выяснения участи Малышевых. Когда через неделю огласили приговор, ссыльная монахиня Марина поняла, что эти дети теперь - ее судьба, и официально стала их опекуной. А ссыльный игумен Никон всю войну помогал им советом и делом. Поступок этот в те годы был актом не только милосердия, но и мужества. Детям Малышевых, от которых все родные и знакомые отвернулись после ареста родителей, Бог дал в лице этих двух монашествующих замечательных опекунов, и им не пришлось идти в детдом или умереть от голода.

Супругам Малышевым дали по 10 лет ИТЛ. В народе эту командировку в лесные лагеря очень точно прозвали - "зеленый расстрел". Их забросили дальше всех подельников - в печально знаменитый Вятлаг, один из лагерей НКВД с наиболее тяжелыми условиями труда и быта, особенно в 1942-1943 годах, с повышенной смертностью заключенных. В 1942 году в Вятлаге умерла одна треть зеков; а среди латышей — больше половины. Для сопоставления: в том же году смертность заключенных по ГУЛАГу в целом составила 17,6 процента. Ситуация усугублялась необычайно суровой зимой 1941-1942 годов - самой холодной за весь период метеонаблюдений в Вятском крае. Температура воздуха в декабре и январе была на 6-9 градусов ниже средних показателей), а минимум доходил до минус 40 градусов. В эту же зиму выпало очень мало снега. И лежать бы обоим супругам в вятской земле, если

Модест и Ольга — дети супругов Малышевых

бы не чудо Божией Матери, сохранившее жизнь Борису.

Уже ощущая приближение смерти, он увидел во сне никогда прежде не виданную им икону Богородицы. Среди страшной яви лагерных будней этот сон был ему таким же дуновением тепла, как детский почерк на письмах из дома. Такие сны не забываются. Нам не дано угадать смысл этих прикосновений невидимого мира, но радость от того, что ты не забыт и не брошен Богом нигде, осталась с ним навсегда. Богородица, которую часто зовут Одигитрия, путеводительница, указала ему путь в тот дом, в котором он возвратился к жизни.

В августе 1943 года Борис уже в стационаре для лагерных доходяг. Он пишет детям: «Все надеюсь что нас инвалидов отпустят домой», потом пишет: «Опять меня не сактировали, оставили еще на полгода». И потом присылает письмо, в котором уже почти нет надежды, - он пишет, что «если вы меня не выхлопочите со своей стороны, то вряд ли мы увидимся на этом свете живыми».

Видно, горячо молились о папе дети Модест и Ольга. И вместе с детьми молились о страдальце монахиня Марина (Изотова) и игумен Никон (Воробьев). Дети читали акафисты свт. Николаю, а монахиня Марина просила о помощи Матерь Божию перед особенно почитаемой ею Толгской чудотворной иконой. Господь услышал их: нашелся адвокат, написавший прошение, кировский прокурор ускорил дело, и Бориса активировали. В октябре 1943 года он пишет с дороги: "Я так ослабел, что еле передвигаю ноги. Вещи мои все украли т.к. я беспомощный старик меня в вагон сажают двое. Хожу медленно и часто падаю. У меня левая нога совсем не действует, остались кожа и кости. Только Бог меня и спасает"

Вятлаг превратил его в немощного старика, в котором никто не может признать сорокалетнего мужчину, и впереди полная неясность — что делать дальше? Вернуться в Волочек? Рассказы о повторных арестах и добавке срока ему наверняка за два года слышать приходилось неоднократно. И чем его будут откармливать его голодные дети? Разве что умереть у них на руках, вот, пожалуй, единственный выход, который оставила ему страна, уже поставившая на нем знак изгоя. Его спасла сестра покойной жены Валентина, которая до этого дважды возила ему передачи в лагерь, а после освобождения по просьбе монахини Марины согласилась принять его в свой дом. Две сестры выросли сиротами в разных приютах, и были очень разными - Мария стала верующей, а Валентина атеисткой. Всю жизнь Валентина спорила с сестрой, утверждая, что Бога нет. Но в решающий момент она поступила по-христиански: ей, коммунистке, принять в свой дом "врага народа" - это был подвиг.

Валентина с мужем жили под Ярославлем, недалеко от закрытого Толгского монастыря. Вскоре после появления Бориса бдительные товарищи с оружием явились в их дом, непрописанному лагернику не место в жилище двух коммунистов, работников оборонного завода. Валентина побежала к

своему заводскому парторгу, он был там единственной реальной силой, а парторгу дал Бог сердце не выставить ее за дверь. Он задумался и дал дельный совет: среди четырех начальников паспортных столов в Ярославле есть только один, который может хотя бы выслушать такую просьбу и прописать на какое-то время. И Валя потащила в этот паспортный стол еле передвигающего ноги Бориса, у которого к тому же открылся понос, - непривычный желудок не справлялся с забытой работой, а он ел все, что мог, и готов был есть картофельные очистки. Но им удалось добраться в Ярославль, попасть на прием и упросить начальника прописать Бориса на месяц. Начальник кричал на своих посетителей, выражая всю неприемлемость для него риска - прописать этот скелет в

Иллюстрация 1: Борис Александрович Малышев в Ленинградской семинарии (1949-50 гг.)

коттедж номерного завода означало, что он берет на себя всю ответственность за совершенно незнакомого социально-опасного типа, и это может стоить ему карьеры. Но это это чудо человеческой милости повторилось еще трижды .

Когда Борис окреп и смог выходить из дома сам, он пошел в ближайший храм в с. Песочное, и увидел там памятный образ Богородицы, явившийся ему во сне в Вятлаге. Чудотворная Толгская икона Божией Матери, унесенная верующими при закрытии монастыря,

встретила его.

Бог даровал ему жизнь, и диакон Борис Малышев посвятил свои последние годы служению алтарю. Вятлаг вскоре настиг его болезнью и добил. Но он успел сделать главное - направить на путь служения своего сына Модеста. В письме из только что открывшейся Ленинградской Духовной Семинарии он призывает сына служить Богу: "Он послал тебе жизнь, Он сохранил тебя, Он послал тебе все условия, чтобы ты был бы Его воином, был бы проводником Его Божественного слова, был бы борцом за Любовь, за Веру, подобно твоей умершей матери, подобно твоего отца, ждущего с нетерпением тебя к себе для совместной учебы и нужного руководства... дня три назад я был у о. Серафима Вырицкого, и он сказал: "Пусть подаст [прошение в Семинарию] и будет принят".

Иллюстрация 2: Архив СПбДАиС. Ф.1 Оп.3. Л.172. Л.73-2об. (28.09.1949)

Модест Малышев 1949 г

Дети пошли по стопам отца: сын Модест стал священником, дочь Ольга

женой священника. Митрофорный протоиерей Модест Малышев, настоятель Князь-Владимирского храма в поселке Лисий Нос под Санкт-Петербургом, был замечательным духовником, оказавшим влияние на множество человеческих судеб. Вспоминающие о нем неизменно отмечают его деликатность, умение сочувствовать, тонкость души, необычайную скромность, удивительное смирение и безграничную веру в милосердие Божие. Сполна испытав человеческое горе, он мог в скорбях и страданиях утешить других. Его многолетний священнический путь и человеческая судьба были непросты, но никогда он не сворачивал с пути, указанного примером родителей. Он

исполнил завет своего отца быть проводником Божественного слова, борцом за Любовь, за Веру, отдал все таланты и знания на служение Богу...

Словно от имени тех, о ком мы молимся у поклонных крестов на старых лагерных погостах, игумен Никон (Воробьев) сказал, обращаясь к людям наших дней: "Наше поколение буквально было навозом для будущих родов. Потомки наши не смогут никогда понять, что пережито было нами. Достойное по делам нашим восприняли. Что-то вы воспримете? А едва ли вы лучше нас. Да избавит вас Господь от нашей участи!"

Вятлаг – одно из мест, где погибли и пропали без вести эти люди. О них молчит официальная история. Пока не нашлись у нашего общества нравственные силы и денежные средства, чтобы мы могли вскрыть, эксгумировать, исследовать и предать погребению нормально, по-человечески, останки из этих безымянных могил. Мы не способны вернуть останкам этих людей имена. Но жертва эта не напрасна, кровью тысяч мучеников очищалась страна наша от грехов. Их молитвами мы живы и поныне, и поэтому мы должны воздать им должное, молиться об их упокоении, а они будут молиться о том, чтобы нам не повторить ошибок наших прадедов и дедов.

